

На правах рукописи

Петрова Анна Леонидовна

**Диалог в творчестве Н. С. Лескова:
традиции и поэтика**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2014

Работа выполнена на кафедре русской литературы филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Евдокимова Ольга Владимировна,
профессор кафедры русской литературы
РГПУ им. А.И. Герцена

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Дыханова Берта Сергеевна
(ФГБОУ ВПО «Воронежский
государственный педагогический
университет», кафедра теории, истории и
методики преподавания русского языка и
литературы, профессор)

кандидат филологических наук, доцент
Мовнина Наталья Савельевна
(ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»,
кафедра истории русской литературы, доцент)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Псковский государственный
университет»

Защита состоится «__» _____ 2014 года в __ часов на заседании совета
Д 002.208.01 при Институте русской литературы РАН по адресу:
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

Наследие писателя-классика Николая Семеновича Лескова (1831–1895) является менее изученной областью истории русской литературы, нежели творчество многих его современников. Одна из причин этого — недооцененность писателя при жизни, восприятие его читателями как публициста, непонимание его художественных открытий. Однако в научной литературе последних десятилетий Лесков все больше предстает как художник особого склада, в своих творческих экспериментах и новациях даже опережавший развитие реалистической литературы второй половины XIX века.

Современными исследователями поставлен, наряду с прочими, и вопрос об использовании писателем своих обширных знаний по иконографии, фольклористике, живописи, истории философии не только в содержательных мотивах своих произведений, но и при создании художественной формы. Если учесть то, что Лесков не получил систематического образования, особую актуальность приобретает вопрос об источниках, из которых он черпал сведения, и характере работы с этими источниками: мемориальная библиотека писателя и его рабочие записи еще недостаточно изучены.

В современном литературоведении предпринимаются попытки взглянуть на поэтику писателя целостно, ведется поиск художественных принципов, связывающих разнородные произведения в его творческом мире. Таковы, например, работы, развивающие предложенную еще в 1930-е гг. немецким философом и культурологом В. Бенямином концепцию рассказчика (К. Жери, И. Окунева), а также исследования, выдвигающие на первый план в качестве художественных доминант устное слово (Б. С. Дыханова) или лесковскую концепцию памяти (О. В. Евдокимова).

Принимая во внимание вышесказанное, мы видим *актуальность* диссертационного исследования в том, что в нем на основе изучения источников, рассматриваются традиции философского диалога (а именно сократического диалога и диалога Г. С. Сковороды) в творчестве Н. С. Лескова и анализируется их влияние на поэтику произведений писателя, что позволяет говорить о диалоге как одном из конститутивных принципов его художественной системы.

Ранее диалог в творчестве Н. С. Лескова рассматривался либо в качестве композиционного средства и элемента повествовательной структуры (Г. В. Сепик, П. Каццола, Г. М. Ибатуллина), либо как форма взаимодействия разнонациональных культур («диалог культур») на содержательном уровне произведений, с выходом на уровень поэтики (А. В. Кузьмин, Н. Ю. Данилова, П. Н. Донец), либо как форма творческого взаимодействия

писателей (и шире — направлений, систем) в рамках литературного процесса (О. В. Евдокимова, Н. Г. Авдеева, А. П. Власкин, Н. В. Лукьянчикова и др.). В последние годы появились исследования, посвященные жанру сократического диалога в творчестве Лескова (О. В. Евдокимова, И. Н. Минеева, И. В. Поздина, Б. С. Дыханова), однако подробного анализа философских оснований этого жанра до сих пор сделано не было.

Цель диссертационного исследования — выявить специфику преломления философии диалога в художественном творчестве Н. С. Лескова в свете близких писателю традиций (Сократ, Г. С. Сковорода).

Этим определяются *задачи* работы:

— описать традиции понимания диалога в философии Сократа и Платона, а также в трудах Г. С. Сковороды, показать обусловленность диалогической формы их произведений характером философствования;

— выявить и проанализировать отсылки к именам Сократа, Платона и Г. С. Сковороды в эпистолярных, публицистических, художественных текстах Н. С. Лескова (на базе 11-томного собрания сочинений Н. С. Лескова 1956–1958 гг.);

— изучить и описать знания Н. С. Лескова и общие представления его эпохи о творчестве названных философов, в первую очередь в свете философии диалога;

— проанализировать принципы работы Н. С. Лескова с историко-философской литературой, посвященной Платону и Г. С. Сковороде, а также с сочинениями последнего;

— выявить в творчестве Н. С. Лескова художественные приемы, служащие воплощением диалога как композиционной и как архитектурной формы;

— на материале анализа конкретных произведений продемонстрировать определяющее влияние диалогической формы на художественный смысл произведения.

В связи с названными задачами потребовалось обращение к целому ряду *объектов*, среди которых: 1) диалогические произведения Платона и Г. С. Сковороды в аспекте связи их формы и философских воззрений авторов; 2) научная литература о Сократе, Платоне и Г. С. Сковороде, с которой был знаком или мог быть знаком писатель, в аспекте освещения в ней проблематики диалога; 3) эпистолярные, публицистические и художественные тексты Н. С. Лескова с точки зрения упоминания в них имен Сократа, Платона, Г. С. Сковороды и цитирования их произведений; 4) аспектно — произведения Н. С. Лескова конца 1870-х — начала 1880-х гг.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые систематически прослежена связь поэтики художественных произведений Н. С. Лескова с философскими идеями Сократа и Г. С. Сковороды в аспекте диалогизма, установлены источники знаний

Лескова по данной теме, исследованы записные книжки и мемориальная библиотека писателя (в частности, принадлежавшая ему книга «Платон в изложении Клифтона Коллинза»), установлены некоторые принципы его работы с философскими и научными текстами. В диссертации творчество Н. С. Лескова *впервые* рассмотрено в свете определенных философских традиций, что дало возможность говорить о диалоге как о специфической художественно-философской форме и конструктивном принципе в поэтике писателя.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее результаты расширяют представления о связях русской литературы XIX в. с философией и открывают новые перспективы для изучения творчества Н. С. Лескова как в аспекте этих связей, так и в отношении художественной специфики творчества писателя в целом.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее научные результаты в вузовских курсах по истории русской литературы, специальных учебных курсах, посвященных проблемам творчества Н. С. Лескова и связям литературы с философией, а также в научном комментировании сочинений писателя.

Методологическую основу изучения творчества Н. С. Лескова в историко-литературном аспекте составили исследования, вошедшие в «золотой фонд» отечественного лескововедения и принадлежащие А. Волынскому, А. С. Орлову, Л. П. Гроссману. Важное место в определении исследовательских путей работы принадлежит трудам современных лескововедов: И. В. Столяровой и Б. С. Дыхановой. Феномен рассказывания рассматривается в свете концепций Б. М. Эйхенбаума и В. Бенямина. В диссертации учитываются сопоставления лесковской художественной формы с сократическим диалогом, проведенные в работах О. В. Евдокимовой, И. В. Поздиной, Б. С. Дыхановой, и наблюдения в области связей творчества Н. С. Лескова с философией Г. С. Сковороды, сделанные Л. И. Левандовским, О. В. Анкудиновой, Н. И. Озеровой и другими исследователями. Философия Сократа и Платона рассматривается в свете историко-философских трудов А. Ф. Лосева и историко-литературных построений М. М. Бахтина (с привлечением зарубежных исследований). При обращении к произведениям Г. С. Сковороды мы уделили преимущественное внимание работам современных ученых О. В. Марченко, О. О. Козарезовой, Л. А. Софроновой, не упуская, однако, из виду классические работы (В. Ф. Эрн, Д. И. Чижевский, В. В. Зеньковский) и исследования, посвященные отдельным аспектам творчества украинского философа (Л. В. Ушкалов, П. И. Мельников и др.).

Изучение текстов Н. С. Лескова в связи с философской традицией диалогизма в диссертационной работе основывается на философских и эстетико-философских трудах

А. Ф. Лосева и М. М. Бахтина. Понимание диалога, из которого исходит исследование, предполагает обращение к аналитическому аппарату философии, в связи с чем, помимо названных работ, привлекаются также работы немецких ученых М. Бубера и Б. Вальденфельса.

В исследовании применяются сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический *методы* и метод целостного анализа в рамках герменевтического подхода к явлениям культуры.

Положения, выносимые на защиту.

1) Одним из источников знаний Лескова о Сократе, Платоне и их философских взглядах послужила книга «Платон в изложении Клифтона Коллинза» (СПб., 1876). Пометы писателя в этой книге отражают предмет интереса Лескова: это черты сходства современности с античностью, представления античных мыслителей о сущности философии и идеальном образе философа, становление и крушение платоновской государственной утопии, античные учения о душе и загробной жизни.

2) Наиболее вероятно, что «том Платона», хранившийся в кабинете Лескова в последние годы его жизни, представлял собой издание «Философские беседы Платона в русском переводе» (М., 1861), подготовленное А. Клевановым с расчетом на массового читателя и включающее в себя четыре диалога, которые посвящены в основном теме смерти и посмертного существования души. Это могли быть также издания «Платоновы разговоры о законах» (М., 1827), «Платон в изложении Клифтона Коллинза» (СПб., 1876), отдельный том собрания сочинений Платона, изданного И. Сидоровским и М. Пахомовым (1780–1785) или В. Н. Карповым (1841–1842).

3) Упоминания Сократа и Платона обнаруживаются в эпистолярных, публицистических и художественных текстах Лескова на протяжении более трех десятков лет (с начала 1860-х до середины 1890-х гг.) и образуют ряд константных тем: Сократ и Платон в числе великих мыслителей мира; тема смерти и загробного существования души; знание как «припоминание»; доступность, понятность философии Сократа и Платона для каждого; Сократ как исключительная историческая фигура. Действенность сократического метода Лесков демонстрирует в книге «Мелочи архиерейской жизни (Картинки с натуры)» (1878).

4) Характер проблем, в связи с которыми Лесков обращался к Сократу и Платону, в целом соответствует уровню знаний эпохи и кругу интересовавшихся наукой второй половины XIX в. проблем (представленных в книгах и статьях В. Н. Карпова, О. М. Новицкого, П. И. Лينيцкого, С. С. Гогоцкого).

5) Источниками знаний Лескова о Г. С. Сковороде являются книга «Сочинения Григория Саввича Сковороды» (Харьков, 1894), включающая вступительную статью Д. И. Багалея, и статья Ф. А. Зеленогорского «Философия Г. С. Сковороды, украинского философа XVIII столетия» («Вопросы философии и психологии», 1894, кн. 23(3)). В них поставлена проблема сходства философских принципов Г. С. Сковороды и Сократа. Процесс работы Лескова с этими источниками зафиксирован в записной книжке 1894 г. Писатель акцентирует в связи с творчеством Г. С. Сковороды проблему слова вообще и формы философского высказывания в частности.

6) Художественно-философская форма, которую создает Лесков, находит наиболее яркое воплощение в ряде рассказов конца 1870-х — начала 1880-х гг., где присутствует рамочный диалог или аналогичная ему повествовательная «рамка», а основное повествование представляет собой реплику в споре. Смысл формы заключается в постепенной проблематизации какого-либо нравственного понятия, представлении разных точек зрения на его содержание и провоцировании читателя на выбор точки зрения в соответствии со своим внутренним нравственным знанием. С сократическим диалогом лесковскую форму роднит использование синкризы и анакризы, создание героев-идеологов и ситуации испытания идеи. С философским диалогом Сковороды — опора на основную нравственную оппозицию «истинное/ложное». Все типы диалога объединяет философский принцип поиска истины через самопознание.

7) Диалогическая поэтика Лескова опирается на традицию философского диалога Сократа-Платона и Г. С. Сковороды, а также на русскую историко-философскую традицию изучения их творчества, сформировавшуюся в XIX в. в Киеве. В XX в. эта традиция нашла продолжение в трудах А. Ф. Лосева и М. М. Бахтина.

8) Лесков создает особую художественную форму, философской подпочвой которой являются идея самопознания, единство философии и жизненной практики, сочетание рациональных и иррациональных способов познания. Для философской традиции диалога, в которую включается творчество Лескова, особое значение имеют обращенность к собеседнику и слово как таковое, поскольку оно объективирует этические понятия. Диалогическое отношение к чужой точке зрения в поэтике произведений Лескова нашло отражение в типе героя («праведник») и тонкой работе писателя с «чужим» словом.

Апробация научных результатов диссертации. Основные положения диссертации излагались в докладах на научных конференциях: Межвузовская аспирантская научная конференция (Смоленск, СмолГУ, 2010), Всероссийская конференция «Герценовские чтения — 2011. Русская словесность: проблемы поэтики и истории» (Санкт-Петербург,

2011), ежегодная научная конференция «Невские чтения» (научная секция «Новое в лескововедении») (Санкт-Петербург, 2011; 2012; 2013; 2014), Международная научная конференция «Орловский текст русской словесности: творческое наследие Н. С. Лескова» (Орел, 2011), Международная конференция молодых филологов «Русская литература: тексты и контексты» (Варшава (Польша), 2012), Межвузовская научная конференция «Герценовские чтения — 2012. Русская словесность: проблемы истории и поэтики» (Санкт-Петербург, 2012), Всероссийская научно-практическая конференция «И. С. Тургенев-романист и русская культура» (Спасское-Лутовиново, 2013), Всероссийская научная конференция «Герценовские чтения — 2013. Религиозно-философская мысль России и русская литература» (Санкт-Петербург, 2013).

По теме диссертационного исследования опубликовано 12 научных и научно-методических работ.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются актуальность темы диссертации, ее научная новизна, определяются цель и задачи исследования, описываются его материал, методологические принципы, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Творчество Н. С. Лескова и сократический диалог»** исследуется уровень знаний писателя о философии Сократа и Платона, причины его обращения к наследию этих античных мудрецов и формы присутствия сократического диалога в произведениях Лескова.

Ранее лескововеды (О. В. Евдокимова, И. Н. Минеева, И. В. Поздина, Б. С. Дыханова) сосредотачивали внимание по преимуществу на *жанре* сократического диалога. Мы же в первую очередь рассматриваем сократический диалог как способ философствования Сократа и связь его с формой изложения Платоном своих идей.

Раздел 1.1. «Сократический диалог: литературная форма и ее философские основания. Русская традиция изучения» посвящен феномену, который объединял в себе во многом противоположные философские тенденции, восходящие непосредственно к Сократу и к самому известному из его учеников Платону. «Сократическим диалогом» традиционно называют как философский метод, которым предположительно пользовался Сократ, так и жанр, избранный Платоном для своих сочинений, содержательно и

методологически продолжающих то, что было сделано в философии Сократом. С одной стороны, жанр произведений Платона был создан под непосредственным влиянием устных бесед и является наиболее органичной формой для содержания сократической философии, он как бы призван передать будущим временам философскую методику, обучить ей. Но в то же время эта форма далеко не совершенна и своим существованием нарушает один из принципов Сократа, крайне низко ценившего застывшее, мертвое книжное знание и ничего не писавшего. В русской философской традиции (В. С. Соловьев, А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин) мысль Сократа и Платона становилась объектом пристального внимания именно в связи с проблемой «наложения» в произведениях Платона двух философских интенций, в свете трагической попытки ученика исправить и довести до совершенства философское наследие своего учителя. По мнению А. Ф. Лосева, сократическими могут быть названы только ранние диалоги философа, которые помимо вопросно-ответной структуры имеют с поздними диалогами мало общего, поскольку изменяется сам методологический фундамент, порождающий и питающий диалогическую форму. Спор уступает место поучению, на смену проблемам индивидуальной нравственности приходят государственные вопросы, историческая правдивость сменяется мифом и символом. Восприятие сократического диалога в русле той же традиции, в которой шли исследования А. Ф. Лосева, позволило другому крупнейшему русскому философу и филологу XX века — М. М. Бахтину — говорить об идущей от этого жанра ветви европейской прозы, к которой, в частности, примыкает творчество Ф. М. Достоевского. В диссертационном исследовании проанализированы причины изменений, внесенных в бахтинскую концепцию диалогической прозы во второй редакции книги о Достоевском («Проблемы поэтики Достоевского», 1963), и показано, что создание 4-й — историко-литературной — главы книги стало возможно в результате коренного пересмотра представлений о сократическом диалоге: в редакции 1963 г. он был понят ученым как точка напластования двух мировоззрений, определивших собой два основных направления европейской прозы. В работе подчеркнута, что объектом интереса Бахтина являлись именно ранние диалоги Платона, несущие, по его мнению, все черты карнавального видения мира. В число признаков жанра входили как родовые признаки «серьезно-смеховой» литературы: современность материала, опора на опыт и свободный вымысел вместо опоры на предание, многостильность, — так и черты, формирующие облик собственно сократического диалога: герои-идеологи, образы которых неразрывно слиты с идеей, исключительная ситуация «на пороге», провоцирующая на глубинное слово, поиск истины как основное событие произведения, использование в ходе поиска истинного определения понятия приемов синкрисы и анакрисы.

Раздел 1.2. «Сократический диалог в понимании Н. С. Лескова» открывается обширным подразделом **1.2.1. «Источники знаний Н. С. Лескова об античной философии»**, где в центре внимания оказываются тенденции в изучении наследия Сократа и Платона, господствовавшие в современной Лескову историко-философской науке, а также степень осведомленности в этой области самого писателя. Историко-фактического материала по этому последнему вопросу в науке накоплено крайне мало. Исследование мемориальной библиотеки писателя показывает, что ему принадлежало по крайней мере две книги, непосредственно связанные с философией Сократа и Платона. Первая из этих книг — перевод на русский язык сократических сочинений Ксенофонта, изданный в 1762 г., — имеет на своих страницах небольшое количество помет, авторство которых не установлено. Нельзя утверждать, что Лесков читал эту книгу, однако ее наличие в домашней библиотеке писателя говорит о том, что он был знаком с существованием толкования сократовского учения, конкурирующего с интерпретацией Платона. Вторая рассмотренная книга — «Платон в изложении Клифтона Коллинза» (1876) — входит в переводную серию «Сборник древних классиков для русских читателей». Пометы, принадлежность которых Лескову подтверждается надписью его сына, могут быть сгруппированы по следующим темам: исторические переключки современности с античностью; сущность философии и идеальный образ философа; становление и крушение платоновской государственной утопии; представления о душе и загробной жизни.

В диссертационной работе рассмотрены все отдельные издания сочинений Платона с 1780 г. до 1895 г. как возможные источники знакомства Лескова с текстами философа. Сделано предположение, что под принадлежавшим писателю «томом Платона», о котором говорят биографы, мог подразумеваться сборник «Философские беседы Платона в русском переводе» (М., 1861), подготовленный А. Клевановым с расчетом на массового читателя и включающий в себя четыре диалога, посвященные в основном теме смерти и посмертного существования души. Это могли быть также издания «Платоновы разговоры о законах» (М., 1827), «Платон в изложении Клифтона Коллинза» (СПб., 1876) или отдельный том одного из двух собраний сочинений Платона: устаревшего, букинистического издания под редакцией И. Сидоровского и М. Пахомова (1780–1785) либо нового, снабженного выполненным на высоком уровне научным комментарием В. Н. Карпова (1-е издание — 1841–1842, 2-е издание — 1863–1879). Анализ вступительных статей и комментариев, данных составителями этих книг к текстам Платона, показал, что все издания значительно различались по своему адресату, задачам и принципам подхода к античному наследию. Что касается проблемы сократического диалога, то степень ее разработанности в разных

источниках сильно различается: от традиционного упоминания об «украшенности» речей Платона у И. Сидоровского и М. Пахомова и подчеркнутого невнимания А. Клеванова к форме изложения поучительных размышлений Сократа до тонкого анализа платоновского диалога и его философских оснований у В. Н. Карпова, который принадлежал к киевской историко-философской школе, впоследствии воспитавшей В. С. Соловьева и опосредованно оказавшей влияние на А. Ф. Лосева.

Факты биографии Лескова, проведенного годы своей молодости, когда был заложен фундамент его последующего самообразования, в Киеве, заставили нас обратиться к трудам других ученых Киевского университета и Киевской духовной академии, чтобы получить представления о тенденциях в понимании философии Сократа и Платона, которые господствовали в окружавшей писателя академической атмосфере. Объектом внимания стали главы из работы О. М. Новицкого «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований» (1860–1861) и статьи из энциклопедического издания «Философский лексикон» под редакцией С. С. Гогоцкого (1857–1873), обнаруживающие сходные историко-философские принципы. Во всех рассмотренных работах прослеживается акцент на разделении сократических и платонических тенденций в диалогах Платона, на эволюции воззрений последнего, большое внимание уделено иррациональной составляющей учения Сократа и той идее, что нравственное поведение неразрывно связано с жизненной силой, деятельной энергией, возникающей у человека из осознания своей правоты.

В подразделе 1.2.2. «Сократ и Платон в текстах Н. С. Лескова: константные темы» с максимальной полнотой представлены случаи упоминания Сократа, Платона и сократического метода в письмах, публицистике и художественных произведениях писателя. Базой для исследования послужило собрание сочинений Н. С. Лескова в 11-ти томах под общей редакцией В. Г. Базанова (1956–1958), привлекались также тексты, опубликованные в Полном собрании сочинений в 30-ти томах (1996–2014, издание продолжается). Аспектно проанализированы такие художественные тексты, как «Овцебык» (1862), «Детские годы» (1874), «Мелочи архиерейской жизни» (1878).

К философии Сократа и Платона Лесков обращался на протяжении всего своего творчества. В 1860-е гг. писатель, еще поверхностно интересующийся философией Платона, часто цитирует расхожие фразы из диалога «Государство» в связи с современной общественно-политической обстановкой. В более поздние периоды он упоминает Сократа и Платона в связи со следующими константными темами: знание как «припоминание» виденного в другой форме бытия, смерть и посмертное существование души, доступность

философской истины каждому человеку, праведнический образ жизни. Сократ и Платон включены Лесковым в перечни величайших столпов мировой мысли, причем их имена, как правило, открывают эти списки. В текстах писателя говорится о двойственности образа Сократа, сочетающего возвышенные и сниженные черты («амбивалентность» по Бахтину). Название «сократический метод» Лесков использует применительно к способу воздействия на собеседника, а демонстрирует «сократическое рассуждение» и его эффективность в собрании очерков «Мелочи архиерейской жизни».

За той частью диссертационного исследования, где интерес Лескова к философии античных мыслителей определен тематически, следует **подраздел 1.2.3. «Преломление традиции сократического диалога в поэтике Н. С. Лескова»**, в котором говорится о влиянии сократического диалога на композицию и архитектуру лесковских художественных произведений. В первой его части (**1.2.3.1. «"Рамочный" диалог (на материале малой прозы Н. С. Лескова конца 1870-х — начала 1880-х гг.)»**) рассматривается одна из художественных доминант в поэтике рассказов указанного периода («Бесстыдник» (первая редакция под заглавием «Морской капитан с Сухой Недны» — 1877, вторая — 1890), «Маленькая ошибка. Секрет одной московской фамилии» (1883), «Справедливый человек. Полунощное видение» (1883), «Отборное зерно. Краткая трилогия в просонке» (1884), «Жемчужное ожерелье» (1885)) и книги «Мелочи архиерейской жизни» (1879). Особенностью повествовательной «рамки» этих произведений (в большинстве случаев выраженной в форме «рамочного» диалога) является то, что с ее помощью задается ситуация спора, полемики, и основное содержание рассказа является своего рода репликой, подтверждающей одно из мнений, высказанных в этом споре. В произведениях, где спор не изображен непосредственно, полемический эффект вводится за счет цитирования автором-рассказчиком каких-либо печатных источников, приведения чужих мнений, на которые он считает необходимым «ответить», откликнуться («Мелочи архиерейской жизни», «Справедливый человек»). Повествовательный прием своим архитектурным заданием имеет создание неоднозначного, «амбивалентного» контекста для истолкования рассказанного анекдотического случая, в результате чего то или иное нравственное понятие (например, «справедливость», «стыд», «вера») оказывается обращено к читателю разными своими сторонами (что соответствует приему синкризы в сократическом диалоге). Ту же функцию могут принимать на себя заглавия рассказов, как в цикле «Заметки неизвестного» (1884).

Во второй части **1.2.3.2. «Диалогическая поэтика отдельного произведения. Архитектонический аспект (на материале рассказа "Бесстыдник")»** осуществлен

целостный анализ рассказа, для поэтики которого соотнесение с разными типами античного диалога (софистическим и сократическим) является определяющим. В рамочном диалоге к рассказу задается конфликт двух пониманий одного суждения («морская жизнь исправляет человеческие нравы», в более общей форме — «обстоятельства изменяют человека»), а в основной части повествования этот конфликт развернут в форме диалога между персонажами, в котором легко прослеживаются софистические черты. Отставной моряк Порфирий Никитич вступает в спор с вором-интендантом, но не может доказать, что воровство последнего достойно осуждения и его следует стыдиться. Его оппонент гордится своим незаконно приобретенным богатством и поворачивает всю ситуацию противоположной стороной, апеллируя к способности русских использовать обстоятельства и — косвенно — к их богоизбранности. За это интендант получает публичное признание, а Порфирий Никитич оказывается посрамлен.

На архитектурном же уровне весь рассказ представляет собой провокационное рассуждение о содержании понятия «стыд», соотносимое с сократическим диалогом: читателю предлагается ряд противоречащих друг другу точек зрения, каждая из которых подкреплена авторитетом героя-идеолога. Это архитектурное задание выполняется за счет введения на уровне композиции ряда диалогов-споров героя-рассказчика (Порфирия Никитича) с другими персонажами (сослуживец Евграф Иванович, генерал Хрулев, интендант Анемподист Петрович). В ходе этих бесед стыд предстает как нравственное чувство, препятствующее несправедливости, совестливость; природная деликатность, стыдливость; страх оказаться непрактичным, несостоятельным; страх быть публично посрамленным. Позиции в этих спорах высказываются не в общетеоретической форме, а в применении к конкретной жизненной ситуации и провоцируют читателя на «узнавание» всех этих точек зрения, каждая из которых в той или иной степени переживалась им самим. Задача Лескова — создать противоречие между множественностью бытующих мнений и интуитивным нравственным знанием читателя. В конце рассказа автор провоцирует читателя прийти к истинному пониманию «стыда» и тем самым объективировать свое этическое знание.

Во второй главе диссертации — «Творчество Н. С. Лескова и философский диалог Г. С. Сковороды» — поэтика Лескова рассматривается в соотнесении со способом философствования и литературной формой сочинений выдающегося украинского мыслителя, поэта и богослова XVIII столетия. Так же как и в предшествующей главе, подвергнуты анализу источники знаний писателя по теме. Ими явились собрание сочинений Сковороды, изданное к столетию со дня его рождения, с обширным предисловием

профессора Д. И. Багалея и первая часть статьи Ф. А. Зеленогорского «Философия Г. С. Сковороды, украинского философа XVIII столетия» («Вопросы философии и психологии», 1894, кн. 23). В **разделе 2.1. «Источники знаний Н. С. Лескова о философии Г. С. Сковороды»** подчеркивается, что в обоих источниках, заключающих в себе научный разбор философии Сковороды, уделяется значительное внимание проблеме сходства украинского «старца» с Сократом. Соответственно, Лесков имел возможность ознакомиться как с подходом Зеленогорского, согласно которому, основной целью творчества и общественной деятельности Сковороды было «сделаться Сократом на Руси», создать «природную» русскую философию и науку, так и с критикой подобного подхода, высказанной Д. И. Багалеем. Неизвестно, какого взгляда придерживался писатель, однако установка на самопознание и на борьбу с суеверием в широком смысле слова, которую Зеленогорский признает сходной для Сковороды и Сократа, находит свое отражение и в творческих интенциях Лескова.

Раздел 2.2. «Диалогическая поэтика Г. С. Сковороды и ее философские основания» посвящен феномену философского диалога в творчестве украинского мыслителя. О специфической форме его произведений, роднящей их как с сочинениями Платона, так и с христианским катехизисом, не раз упоминалось в историко-философских и филологических исследованиях. В диссертации подробному анализу подверглась связь диалога Сковороды не только с литературной формой Платона, но — и в еще большей степени — со способом философствования Сократа, его философскими принципами, обусловившими появление этой формы.

Рассмотрены случаи упоминания Сократа в произведениях, письмах Сковороды и его биографии, написанной учеником М. И. Ковалинским. С одной стороны, древнегреческий философ привлекает Сковороду как праведник и аскет, идеи которого касаются в первую очередь личной этики и тесно связаны с ежедневной жизненной практикой. В то же время, Сковорода и его биограф подчеркивают мистическую составляющую Сократова образа: «божественный голос», «даймонион», который предостерегал мудреца от ошибочных действий, понимается ими не в рационалистическом ключе — как голос совести, но исключительно как благосклонность божества, желающего уберечь философа. Характерно также упоминание Сковородой Сократа в рассуждении о ценности художественного образа, о значении «поэзии». Но если древнегреческий мудрец в диалогах Платона неоднократно размышляет о разнице между поэзией и философией, то для Сковороды они неразрывно слиты, и философствование неминуемо облекается в поэтические образы (которые за их свежесть и оригинальность исследователь П. И. Мельников называет «авторскими

формулами»). Вместе с тем тяготение Сковороды к созданию поэтических подобий, к басне имеет сходные корни с принципом рассуждения Сократа ранних диалогов, выясняющим суть нравственных понятий посредством сопоставления со сниженными подобиями и примерами. Опосредованно связь философских принципов Сковороды и Сократа можно также усмотреть в отношении к письменному слову. Сократический диалог, как его понимают Лосев и Бахтин, сущностно противопоставлен застывшему письменному тексту, закрытому для спора, для вторжения другой точки зрения. Для Сковороды же книга имеет исключительное значение, Библия для него — неисчерпаемый источник философского и поэтического вдохновения, он называет ее своей «возлюбленной», но это не значит, что он принимает ее слова буквально: Библия понимается не как источник истины, но только как ее проводник. Таким образом проявляется идея о безначальности истины, то есть о ее равной доступности для людей всех времен, народов и религий. Персонажи сковородинских диалогов приходят к выводу, что книга без достойного читателя мертва. «Общение» Сковороды с Библией приобретает характер диалога.

У Сковороды, как и у Сократа, диалогичность является органическим свойством философии. Даже в трактатах, выдержанных в обыкновенной, монологической форме, присутствует обращенность речи. Диалог у двух философов сходен в своих глубинных мировоззренческих основаниях, но и различен. Персонажи произведений Сковороды всегда разделяются на две категории — приобщенные и не приобщенные к истине. «Учительствующие» персонажи говорят загадками, их басни и уподобления, в отличие от сниженных примеров Сократа, остаются непонятны для собеседников. Но «слепцы» и «неучи», мирские люди являются неотъемлемой частью персонажной системы Сковороды, поскольку она строится на ключевой для его философии оппозиции «ложный/истинный». Философствование Сковороды исходит из представления о «двух натурах» — «видимой и невидимой», преходящей и вечной, которым соответствуют две точки зрения на мир. Задача философа в первую очередь — научить читателя видеть жизнь двояко. Поэтому у Сковороды нет развернутых сопоставлений разных мнений, нет синкризы и анакризы в смысле сократического диалога. Всегда есть правильная и ошибочная точки зрения, и правильная высказывается очень авторитарно, что напоминает поздние произведения Платона. Однако диалог от этого окончательно не монологизируется, поскольку в нем нет дидактики и догматики, цель — показать принципиально другую точку зрения, которую нельзя понять при помощи логики, но только интуитивным, «сердечным» знанием. Здесь Сковорода приближается к сократовскому мистическому пониманию знания. Таким образом, философский диалог Сковороды содержит в себе те же противоречия, что ранние и поздние

диалоги Платона. Сочинения Сковороды, подобно сочинениям Платона, разделяются на те, в которых создается иллюзия достоверности, и более абстрактные произведения с символическими персонажами.

Раздел 2.3. «Принципы работы Н. С. Лескова с текстами Г. С. Сковороды (на материале записной книжки писателя и его повести "Заячий ремиз")» содержит анализ выписок, которые делал Лесков в 1894 г. из книги «Сочинения Григория Саввича Сковороды» (в частности, из предисловия Д. И. Багалея) и из статьи Ф. А. Зеленогорского «Философия Г. С. Сковороды, украинского философа XVIII столетия». Взятые из второго источника цитаты, как известно, были использованы писателем при создании повести «Заячий ремиз», большинство из них вошли в художественный текст. Но более того, весь корпус выписок, связанных со Сковородой, следует рассматривать как единое смысловое целое, которое повлияло на зарождение и развитие художественного замысла повести.

Выписки из первого источника очень избирательны: они запечатлели только один «сюжет» из истории изучения сковородинского наследия и отрывок одного из диалогов длиной в несколько предложений. Писателя заинтересовал написанный в диалогической форме трактат «Брань архистратига Михаила со Сатаню о сем: легко быть благим», а именно реплика архангела Михаила, обращенная к Сатане: «Умягчил еси словеса твоя паче еля и та суть стрелы. Несть твое разумети, что благовременный гнев есть-то любовь Божия, а что безвременная милость есть-то сердце твое». Лесков выписывает фрагмент с небольшими изменениями: заменяя «сердце твое» на «средство Сатаны». Писатель также посчитал необходимым отметить для себя полемику о ценности произведений украинского философа, разгоревшуюся в 1861 г. на страницах журналов «Русское слово» и «Основа» между писателем и литературным критиком В. В. Крестовским и ученым-историком Н. И. Костомаровым (оба противника — знакомые Лескова, а время возникновения спора — период активного вхождения последнего в столичную публицистику). В записной книжке Лесков кратко пересказывает ход полемики, подробно описанный в обзорной статье Багалея, и завершает свой текст колоритной цитатой из Крестовского (также взятой им «из вторых рук» — из предисловия Багалея). Случайно или намеренно, Лесков при этом искажает смысл цитаты, относя негативную характеристику, данную Крестовским ученому-филологу И. И. Срезневскому, к главному фигуранту полемики — Сковороде.

При разном характере этих двух выписок из первого источника, обращает на себя внимание их тематическая близость: в обоих случаях в центре высказывания оказывается обманное, лживое слово. Акцентируется способность слова служить инструментом введения в заблуждение, ситуация подмены дела красивым словом. Архангел Михаил вскрывает в

своей реплике неприглядную изнанку «умягченного», «прельщающего» слова Сатаны. Пересказ фрагмента статьи Багалея оканчивается следующей цитатой: «Вся его (Сковороды) учено-литературная деятельность представляется *нам, простым свистунам*, (курс<ив> подл<инника>) чем-то в роде взбитого крема, прежде приятного, но если положить его в рот, то от него ничего ровно питательного не остается».

Проблема слова как материального носителя духовных представлений очень значима для Сковороды как мыслителя, в системе которого Библия (символ, слово) выступает в качестве одного из «малых» миров, одной из главных составляющих модели мироздания. И содержанием философских диалогов зачастую становятся споры вокруг слова или цитаты, ее правильного толкования. В основу поэтики повести «Заячий ремиз» легла именно проблема доверия/недоверия слову, проблема пустого, ложного слова. Если принять точку зрения, согласно которой в повести «языковая игра служит средством передачи мироощущения рассказчика (Оноприя Перегуда. — *А. П.*), который, слушая других героев, воспринимает не содержание их теорий, а лишь их внешнее, лексическое выражение»¹, то следует признать, что и цитаты из Сковороды, введенные Лесковым в речь героев, тоже включаются в сложную речевую ткань произведения и выступают в искаженном значении. Нельзя утверждать, что в повести непосредственно высказываются идеи украинского философа. Цитаты в устах персонажей — это скорее колоритные формулировки, отсылающие читателя к сквородинской проблематике и к полемике вокруг его наследия, герои не являются ни «рупорами», ни даже просто проводниками идей Сковороды. Тема слова может быть понята как частный случай выражения темы зеркала, которая заявлена в эпитафии к повести (также взятом из сочинения украинского философа).

Все фрагменты, выписанные Лесковым из источников, представляют собой «двойные цитаты», то есть выписаны не из исходного текста, а из другого текста-«медиатора», цитирующего этот исходный текст. Притом практически все они под пером Лескова подверглись изменениям, а смысл их в большей или меньшей степени исказился. Наиболее заметный случай — подмена фигуры, на которую направлена критика Крестовского в цитате, выписанной из статьи Багалея. Таким образом, принцип подбора цитат и работы с ними отчасти определяет архитектуру будущей повести.

В разделе 2.4. «Поэтика отдельного произведения Н. С. Лескова в свете философского диалога Г. С. Сковороды. Архитектонический аспект (на материале

---

¹ Федотова, А. А. Функционирование «чужого слова» в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // Альманах современной науки и образования. — Тамбов, 2008. — № 8 (15), ч. 1. — С. 216.

рассказа "Морской капитан с Сухой Недны")» связь творчества писателя с философским мировоззрением Сковороды показана на примере анализа первой редакции рассказа «Бесстыдник», опубликованной в Ежемесячном прибавлении морской газеты «Яхта» в 1877 г. под заглавием «Морской капитан с Сухой Недны. Рассказ entre chien et loup. (Из беседы в кают-компании)». Первоначально рассказ был вдвое больше по объему, вторая его часть, отброшенная Лесковым при подготовке текста для собрания сочинений 1889-1896 гг., содержала продолжение беседы с Порфирием Никитичем, где он рассказывает историю из своей юности.

В этом случае мысль о принципиальной непримиримости идеала с действительностью определяет собой художественные доминанты литературной формы, которая может быть по своему архитектурному заданию соотнесена с философским диалогом Сковороды. Передача нравственного знания у Сковороды осуществляется в ситуации столкновения двух точек зрения на мир — «телесной» и «духовной». Осознание «телесным» человеком возможности посмотреть на мир «духовными очами» происходит через непонимание, растерянность, столкновение с ситуацией, которая представляется неразрешимой для его ограниченного взгляда.

Вторая часть рассказа «Морской капитан с Сухой Недны», также как и первая — рассмотренная при анализе рассказа «Бесстыдник» (в подразделе 1.2.3.2), — представляет собой развернутую реплику Порфирия Никитича, доказывающую его утверждение о том, что человек изменяется вместе с обстоятельствами, в которые он поставлен. Согласно логике рассказчика, он, живя на суше, был трусом, а будучи вынужден уйти на морскую службу, неожиданно проявил себя храбрецом. Однако последовательный анализ этого «доказательства» показывает, что оно внутренне противоречиво: формально доказывается одно утверждение, а в сущности — противоположное. Из описания чувств юного Порфирия Никитича в момент, когда решалась его судьба, читатель понимает, что поступок героя, который назван «трусостью», — отказ от фальшивого подвига, навлекший на него публичное посрамление, — на самом деле служит проявлением честности и совестливости; в бесстрашии перед общественным посрамлением и публичной неудачей уже кроется его будущая морская храбрость.

Сюжетное противопоставление выражается также в полуявной словесной оппозиции «совесть/посрамление». Первое из этих слов в рассказе не употреблено, однако поведение героя в решающий момент истории прочитывается как следствие страха перед совестью, который пересиливает даже страх «осрамиться». Введение этой пары понятий помогает разрешить дилемму первой части рассказа. Если учитывать, что за словом «стыд»

закреплены несколько словарных значений, одно из которых синонимично «совести», а другое — «сраму», то неоднозначное толкование обретает и номинация «бесстыдник», вышедшая на центральное место в поздней редакции рассказа. Тот факт, что два понятия слиты в одном слове и могут быть подменены одно другим, отражает сложность структуры этических представлений в сознании людей. Заставить человека осознать эту сложность и задаться вопросом о существовании истинных понятий, поискать их в собственном сознании — вот цель диалога, который реализуется в рассказе на архитектурном уровне. Обнажение оппозиций и четкое разделение точек зрения на истинную и ложную свойственны философскому диалогу Сковороды, поэтому в редакции рассказа, озаглавленной «Морской капитан с Сухой Недны», пафос сократического незнания снижался и от читателя требовалось меньше «работы» по осмыслению понятия, чем в позднем варианте рассказа.

Третья глава диссертации «Диалог как художественно-философская форма: Сократ — Сковорода — Лесков» показывает, каким образом через посредство философского наследия Платона и Сковороды может быть уяснено специфическое диалогическое задание в прозе Лескова. При сравнительном рассмотрении диалогов Платона и Сковороды обращает на себя внимание двойственность установки в философствовании того и другого: в их произведениях, да и в самом методе, неизбежно присутствуют два полюса — монологический (авторитарный) и диалогический. Причина тому — невозможность воплощения диалога в чистом виде, тем более в законченной литературной форме. В философском диалоге как у Сковороды, так и у Сократа-Платона присутствуют важные формальные составляющие, неразрывно связанные с самими свойствами диалога: *герой*, реализующий диалогическое отношение к миру в жизненной практике, и «слово», «язык» в качестве темы и проблематики рассуждений.

Глубокое осмысление диалогичности было дано философами XX века, сделавшими это понятие одним из определяющих в своих системах, — М. Бубером («Я и Ты», «Диалог», «Проблема человека»), М. М. Бахтиным («<Автор и герой в эстетической деятельности>», «Проблемы поэтики Достоевского», «Проблема речевых жанров»), Б. Вальденфельсом (сборник «Жало Чужого»). В свете названных трудов диалогический и монологический полюса, между которыми колеблется философская беседа, могут быть поняты соответственно как глубоко жизненное, органическое начало и сухое, рациональное, искусственно изолированное от полноты мира. В таком случае следование диалогической позиции является залогом реального «претворения» человека, его совершенствования за счет самопознания, самораскрытия. Следование же монологической позиции провоцирует к

замыканию на известном в себе, предусматривает только внешнее, не сущностное изменение.

Целостный анализ рассказа Лескова «Жемчужное ожерелье» (1885), содержательно никак не связанного с творчеством Платона, Сковороды и не имеющего очевидного философского контекста, позволяет, тем не менее, обнаружить в художественной форме отражение диалогического отношения к миру. Темы, поднятые в этом рассказе, — упадок современной литературы, обман посредством фальшивого жемчуга и выбор невесты, — на первый взгляд, соединены механически. Однако все они соединяются при помощи системы смысловых оппозиций, на которой построен рассказ. В центре поэтики рассказа лежит оппозиция «фальшивый/истинный», в ее свете приобретают ценностный смысл две другие оппозиции, обозначенные нами как «старинный/простой» (в отношении жемчуга и в отношении литературного творчества) и «рассудительность/спешка» (в отношении женитьбы и как характеристика быта). Представление об «истинности» в рассказе приобретает философское (и отчасти религиозное) наполнение. Герой, обладающий «истинной душой», не пытается мудрствовать, рассуждать и рассчитывать: он быстро выбирает себе невесту в соответствии с сердечной склонностью, что можно соотнести с нерассудочным, «сердечным» знанием сквородинской философии. В рассказе присутствует не только общее диалогическое задание, но и определенные составляющие диалогической формы. Диалоги рассказчика со своей женой построены так, что посредством умело поставленных вопросов и возражений, ей удается раскрыть мужу глаза на истинные мотивы его поступков, преодолеть навязанные заблуждения о рассудительности и осторожности в деле женитьбы.

В целом же произведение является сложной репликой Лескова в споре о путях современной литературы. Самой формой рассказа писатель доказывает, что причина оскудения литературы не в изменении быта, а в том, что писателям незаметны истинные «происшествия», о которых надо писать: задачи и материал литературы одинаковы вне зависимости от времени, бытописание не есть сущность литературы. Так, в основной части рассказа Лесковым показана история *чудесного преображения человека*: пораженный бескорыстием героя с «истинной душой», скупой отец невесты смягчается и поступает по справедливости. Рассказ «Жемчужное ожерелье», на первый взгляд представляющий собой анекдотический случай, на самом деле несет в себе глубокие идеи писателя о сущности нравственного поведения и возможности преобразования действительности.

Что касается общих особенностей поэтики Лескова, проявление диалогического взгляда на мир можно видеть в создании такого типа героя как «праведник» и

исключительном внимании к изображенному слову, что проявляется в создании окказионализмов (на основе «народных этимологий») и частом цитировании.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

издания, включенные в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованный ВАК:

- 1) *Петрова, А. Л.* Поэтика Н. С. Лескова в сопоставлениях с философским диалогом Г. С. Сковороды // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 1 (36), т. 1. — С. 87–90.
- 2) *Петрова, А. Л.* К источникам знаний Н. С. Лескова о философии Сократа // Русская литература. — 2013. — № 3. — С. 152–168.
- 3) *Петрова, А. Л.* О принципах работы Н. С. Лескова с текстами Г. С. Сковороды (на материале записной книжки писателя и повести «Заячий ремиз») // Университетский научный журнал = Humanities & Science University Journal. — 2013. — № 6. — С. 119–124.

иные издания:

- 4) *Петрова, А. Л.* Рассказ Н. С. Лескова «Бесстыдник» как «сократический диалог» // Изучение творчества писателя классической эпохи русской литературы: текстология, научный комментарий, теоретические стратегии, поэтика : уч.-метод. пособие к курсу по выбору / Ю. В. Балакшина, О. В. Евдокимова, А. Л. Петрова. — СПб. : САГА, 2008. — С. 25–35.
- 5) *Петрова, А. Л.* Сократический диалог в интерпретации Н. С. Лескова // Историческая поэтика и пути изучения и преподавания русской словесности : исслед. и материалы. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — С. 91–104.
- 6) *Петрова, А. Л.* Источники знаний Н. С. Лескова о философии Г. С. Сковороды // Студенческие тетради : исслед. молодых филологов. — СПб. : Свое изд-во, 2010. — С. 17–22.
- 7) *Петрова, А. Л.* Три модели философского диалога в поэтике рассказа Н. С. Лескова «Морской капитан с Сухой Недны» (1877) // Лесковский сборник — 2011. Орловский текст русской словесности : творч. наследие Н. С. Лескова : (к 180-летию со дня рождения писателя) : сб. ст. — Орел : ООО Полиграфич. фирма «Каргуш», 2011. — С. 86–90.

- 8) *Петрова, А. Л.* Традиция сократического диалога в творчестве Н. С. Лескова («Бесстыдник») // Рассказ Н. С. Лескова «Бесстыдник» : коллектив. моногр. / под ред. О. В. Евдокимовой. — СПб. : Свое изд-во, 2011. — С. 103–173.
- 9) *Петрова, А. Л.* Истоки диалогизма в европейской культуре. Сократический диалог. Сократический диалог в рассказе Н. С. Лескова «Бесстыдник» : конспект комплекса уроков по литературе // Там же. — С. 215–241.
- 10) *Петрова, А. Л.* «Узнай себя»: Сократ, Сковорода, Лесков. К постановке проблемы // Sciences and Humanities : Современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест : материалы круглого стола. — 2012. — № 1 (1). — С. 144–148.
- 11) *Петрова, А. Л.* Книга «Платон в изложении Клифтона Коллинза»: К вопросу об источниках повести Н. С. Лескова «Детские годы» // Русская литература: тексты и контексты = Literatura rosyjska: teksty i konteksty : сб. науч. ст. — Т. III. — Warszawa : Zakład Graficzny UW, 2013. — С. 73–80.
- 12) *Петрова, А. Л.* Типы диалога в романе И. С. Тургенева «Дым» // Спасский вестник. — Вып. 21. — Тула : Гриф и К, 2013. — С. 88–99.